

УДК 364.044.68(73):(470.43)

**“У НАС НЕ МОГУТ РАБОТАТЬ ЛЮДИ РАВНОДУШНЫЕ”:
РАБОТА АМЕРИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПОМОЩИ
В САМАРСКОМ ОКРУГЕ В ДОКУМЕНТАХ АРА (1921-1923 гг.)**

© 2010 Ю.Ю. Аншакова

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Поступила в редакцию 03.12.2009

В публикации представлены документы, освещающие различные аспекты деятельности в Самарской губернии Американской администрации помощи, оказывавшей масштабную гуманитарную помощь Советской России в 1921-1923 гг.

Ключевые слова: голод 1921-1922 гг., Американская администрация помощи, АРА, Самара.

В начале 1920-х гг. Россия переживала один из самых острых кризисов в своей истории, и одним из его важнейших факторов был голод, охвативший территорию более 30 губерний; по разным оценкам, голодало от 25 до 40 миллионов человек, из них не менее 5 миллионов умерло от голода. Во время голода в России работал целый ряд иностранных благотворительных организаций, среди которых особо следует выделить Американскую администрацию помощи (АРА, от АРА – American Relief Administration). За период с сентября 1921 г. по июнь 1923 г. АРА оказала Советской России колоссальную помощь продовольствием, медикаментами, одеждой и т.д. На пике своей активности (лето 1922 г.) АРА ежедневно обеспечивала продовольствием около 10,5 миллиона взрослых и детей.

Соглашение между АРА и советским правительством, определившее условия работы АРА в России, было подписано в Риге 20 августа 1921 г. В соответствии с Рижским договором американцы предоставляли продовольствие и другую помощь, советская сторона обеспечивала транспортировку и хранение грузов, помещения и оборудование для столовых, топливо, а также брала на себя оплату труда российского персонала. Первоначально своей задачей АРА ставила оказание продовольственной помощи только детям (1 млн. порций в день). Однако быстро выяснилось, что подлинные масштабы голода превосходят все мыслимые пределы, и в декабре 1921 г. Конгресс США выделил 20 млн. долларов на программу продовольственной помощи взрослому населению России, которая начала реализовываться в марте-апреле 1922 г.

Голодающие регионы России АРА поделила на округа, более или менее совпадавшие с границами губерний, – Казанский, Сибирский, Са-

марский, Саратовский, Царицынский и др.; округа делились на районы, чьи границы в основном совпадали с границами уездов. Одним из приоритетных округов стал Самарский, находившийся в эпицентре голода¹. С сентября 1921 г. по май 1922 г. округ возглавлял Уильям Шафрот, а после его отъезда – Рональд Аллен. В Самаре в разное время работали еще несколько американцев – Ричард Бонневейл, Дадли Хэйл, Генри Вольф, Гарольд Флеминг, Чарльз Уиллоби и др.

Общее руководство и контроль находились в руках американских сотрудников миссии; основной объем работы исполняли российские сотрудники. На них, в частности, возлагались такие задачи, как организация местных комитетов АРА, подготовка столовых к работе, систематические проверки и инспекционные поездки по районам (такие поездки регулярно совершали и американские сотрудники), ведение отчетности и т.д. В каждом районе округа существовала районная контора АРА. Местные комитеты АРА избирались из числа жителей в тех селах, где открывались столовые, и работали на общественных началах. В обязанности комитетов входили прием, транспортировка, хранение и выдача продуктов, организация работы столовой, а также составление списков детей, а впоследствии и взрослых, которые будут получать пайки АРА. Дети ежедневно получали горячее питание в столовых, взрослым выдавались кукурузные пайки сразу на месяц из расчета 1 фунт кукурузной муки на человека в день. Число питающихся в каждом районе утверждалось в Самаре на основе статистических данных.

В целом число получающих продукты АРА постоянно увеличивалось – с 1 тыс. детей в сентябре 1921 г. до 1,3 млн. детей и взрослых в августе 1922 г. Впоследствии программа помощи была резко сокращена, и АРА продолжила работу лишь в тех районах, где население продолжало голодать

Аншакова Юлия Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. E-mail: pfiri@ssc.smr.ru

и после урожая 1922 г. С сентября 1922 г. по июнь 1923 г. число получавших продовольственную помощь АРА варьировалось от 1,146 млн. человек до 82 тыс. в январе и 200 тыс. в июне 1923 г.²

Данную публикацию составляют несколько документов, освещающих отдельные аспекты работы Самарского округа АРА, хранящиеся в архиве АРА в Гуверовском институте войны, революции и мира (Стэнфордский университет, США)³. Эти выдержки из отчетов и переписки сотрудников АРА показывают работу АРА в нескольких аспектах. Во-первых, они отражают тяжелейшую ситуацию, в которой находилась Самарская губерния и в которой приходилось работать сотрудникам АРА. Во-вторых, данные документы дают представление о стиле и методах работы АРА, ее организованном, системном характере, и, кроме того, рисуют типичную картину того, какие именно сведения о России и состоянии ее экономики (а упрек в шпионаже в адрес АРА звучит в публикациях не только советского времени, но и в современных) собирала АРА. По-видимому, эта информация была избыточной, слишком детальной по отношению к непосредственной миссии АРА, и ее задачей было составление максимально объективной характеристики общего состояния российской экономики, однако особой тайной данные такого рода не являлись – цифрами, статистикой и аналогичными сведениями пестрели материалы самарской печати. Наконец, некоторые документы отражают эмоциональное отношение американских сотрудников АРА к тем реалиям российской жизни, с которыми им пришлось столкнуться, к своей работе – и это отношение не было равнодушным. Не могли не влиять на эмоциональное состояние и не вызвать отклика у сотрудников миссии постоянно наблюдаемые «ужасы голода». Заметим, что голод и разруху американцы считали прямым следствием установления коммунистического режима и потому в целом не испытывали особой симпатии к советской власти, а опыт взаимодействия с советскими чиновниками лишь усиливал это негативное впечатление. Вместе с тем из документов видно, с каким рвением американские сотрудники АРА относились к своей работе, как стремились сделать все, что от них зависит, и оказать помощь всем нуждающимся в ней.

Документы приводятся в сокращенном виде, в авторском переводе.

№1. Уильям Шафрот.

Действительная история русского голода⁴

Статья IV.

<...> Оказалось, что ситуация здесь [в Самаре, события относятся к сентябрю 1921 г. – Ю.А.] была еще хуже, чем в двух губерниях, в которых

мы уже побывали [Казанской и Симбирской – Ю.А.]. После двух лет гуманитарной работы в Центральной Европе я уже привык к виду голодных детей, но увиденное мною в сентябре в Самаре я не забуду никогда.

Первый детприемник, который мы посетили, страдал от кошмарной грязи, нехватки оборудования, невероятной переполненности и преступного несоблюдения самых элементарных санитарных норм. Положение детей было просто ужасным. Относящиеся к этому факты я изложил в записной книжке следующим образом:

“Детприемник раньше был детским домом и был рассчитан на 60 человек. Сейчас в нем находилось 630 детей. Большинство из них бросили родители, которые не могли детей прокормить и надеялись, что о них позаботятся государственные учреждения. В детприемнике детей держали на время карантина, от двух недель до месяца, после чего отправляли в обычный детский дом. В переполненных, грязных, дурно пахнущих комнатах – толпы иссохших стариков и старух, большинство из них – не старше десяти лет, их тоненькие ножки свисали с деревянных коек, на которых они теснились по трое-четверо; на их бледных, изнуренных лицах – взрослое страдание.

Более того, койки имелись лишь у самых везучих. Большинство детей спали на полу, одетые в лохмотья, в которых они сюда попали. По здешним коридорам нужно ходить с большой осторожностью, чтобы ни на кого не наступить.

В изоляторе, который состоит из трех небольших комнат, находилось 120 пациентов. Сама изоляция была бессмысленна, поскольку комнаты проходные, дети и воспитатели постоянно ходили туда-сюда. В день умирали 1-2 ребенка. Из посуды на 500 здоровых детей имелось всего 15 мисок, в каждую входило по 3 порции. Соответственно, обед и ужин выдавали в 12 смен, при этом 3 ребенка ели из одной миски. Дневная порция полфунта⁵ черного хлеба, водянистый суп из сушеной рыбы, немного каши и чай”.

Обычные детские дома содержались лучше, однако из-за потока беженцев спецприемники оказались переполнены, и нам довелось увидеть еще 6 столь же ужасных мест. В одном из них 283 ребенка размещались в 3 комнатах, каждая примерно 12 на 8 метров. Дети сидели на полу, и, когда я спросил отважную директрису, которая принимала все возможное, чтобы справиться с перенаселенностью, где же они спали, она указала на пол и сказала: “Здесь. Другого места у нас нет”. Потом она попросила этих маленьких, голодных, бездомных детей спеть для меня. Я был вынужден отвернуться. Это было невыносимо.

В деревне ситуация была столь же тяжелой, как и везде, где мы были⁶. Крестьяне переходили на сур-

рогаты и хлеб из травы, древесной коры, листьев, прутьев и даже навоза, смешанных с небольшим количеством муки. Лошадей и коров забивали, чтобы съесть, тем самым ставилась под угрозу доставка в будущем продовольственных запасов в села. Железнодорожные станции, пристани были переполнены беженцами, которые пытались уехать в Сибирь, Туркестан, на Украину, подальше от голода. Многие в дороге умирали, но оставшиеся рвались вперед, с невероятным упорством цепляясь за жизнь. <...>

Было абсолютно необходимо оказывать продовольственную помощь взрослым. Масштабы голода намного превосходили возможности советского правительства. Наш миллион детских пайков может спасти миллион жизней, но это лишь малая доля от реально требуемого. Все, что мы можем сделать, необходимо делать безотлагательно. Эти наши выводы мы сообщили в Москву и получили ответ, что в дороге уже находилось 30 вагонов с продовольствием и что на меня возложили руководство организацией продовольственного питания АРА в Самаре. <...>

Статья VI.

<...> В начале декабря я совершил инспекционную поездку по районам к югу от Самары. Выяснилось, что продуктов, даже суррогатов, практически не осталось. При уровне смертности в самых неблагополучных местах 3,5% в месяц, что в 25 раз превышало норму, чудо, что кто-либо из крестьян выжил вообще. <...>

Древесная кора, навоз, некоторые виды глины и кореньев – таковы были основные суррогаты в то время – муки совсем не осталось. Суррогаты смешивали с мукой из костей животных и пекли из этого некое подобие “хлеба”. Через реку от Самары, в Симбирской губернии, стоял огромный лес. Со многих деревьев местные крестьяне срезали всю кору на высоту человеческого роста.

Вместе с тем собственно Самара не являла собой картину смерти. Голод не шествует парадом по главным улицам больших городов. Голод не ищет жертв в городской толпе. Жертвы голода забиваются в угол и умирают тихо, незаметно. Самара выглядела очень оживленно. Трамваи, электрические огни, современные здания, рестораны и кондитерские, театры и кинематограф – веселье в полном разгаре. Только дома можно почувствовать, что голод действительно существует. Да еще многочисленные крестьяне, такие слабые, что еле могли волочить ноги, переходили от дома к дому, прося милостыню, а на перекрестках дети в лохмотьях тянули монотонно молитвы, прося избавления от голода. Хотя я ни разу не видел трупы на самарских улицах, во время поездок по губернии зимой я часто видел у дороги два-три мертвых тела – люди не имели сил идти и тонули в снегу.

№2. Генри Вольф – Уильяму Шафроту.

Отчет о поездке в Мелекес⁷

Мелекес, 24 апреля 1922 г.

Уважаемый сэр,

18 апреля первый поезд с кукурузой прибыл в Мелекес. Сказать, что это вызвало огромную радость – значит ничего не сказать. Новость быстро распространилась по городу и уезду. Сначала люди отказывались верить, но теперь, после известий о том, что кукурузу уже привезли, их радость и благодарность не поддаются описанию.

Как только поезд прибыл на станцию Мелекес, Вайнбаум, председатель Мелекесского уисполкома, прислал мне приглашение с просьбой прийти в исполком и обсудить, как максимально эффективно наладить взаимодействие между исполкомом и АРА. В конторе Вайнбаума присутствовали некоторые другие местные чиновники, а также директор местной мельницы. Он сказал, что у него все готово и мельница начнет работу, как только разгрузят первый вагон. Вайнбаум и Кузнецов, уполпред уисполкома при заграничных организациях⁸, оказали существенную помощь в быстром распределении первого поезда с кукурузой.

Как только новость о прибытии кукурузы достигла сельской местности, в Мелекес массами стали прибывать голодающие крестьяне. Наша контора, где издавались приказы, была забита представителями от деревень. Несмотря на то, что каждый час был на вес золота, в конторе царил полный порядок и не велось никаких споров, кому получать кукурузу первыми.

Как пообещал директор, мельница начала работать в тот же день и работала всю ночь. <...> На следующее утро дороги у мельницы были заполнены лошадьми, телегами и людьми. Кстати, на вид лошади едва могли идти и были в столь же плохой физической форме, как и их хозяева. Ни секунды не было потрачено зря при погрузке в телеги. Скорость и точность людей меня просто поразили. Я стоял там, где шла погрузка продуктов в телеги, и смотрел, как крестьяне получали муку. <...> Когда мешок с драгоценной мукой выносили из мельницы, его с нетерпением подхватывали полдюжины добровольцев и бережно несли к телеге, обращаясь с ним так осторожно, как мать держит на руках младенца. Максимум внимания было уделено тому, чтобы мешки не оказались дырявыми. Ни один скупец не охранял свое золото с таким рвением, с каким эти голодные крестьяне следили за своей мукой.

Ожидалось, что нехватка лошадей не позволит быстро распределить кукурузу. Эти предчувствия совершенно не оправдались. Там, где лошадей не было, крестьяне приходили и уносили кукурузу на своих плечах. Так поступили три села. В Нижней Якушке лошадей нет, т.к. всех

их съели. Когда было получено известие о прибытии кукурузы, все жители деревни, в ком еще были силы, отправились в Мелекес, пройдя 15 верст. В этой толпе были старики и дети. Возраст не имел значения. Количество муки, которое они брали, определялось их силами. <...>

Вчера, 23 апреля, ко мне пришел председатель местного комитета села Новая Майна. Его односельчане получили кукурузу, и он зашел поблагодарить АРА за спасение 15 тысяч жителей своей волости от смерти. Он в подробностях рассказал, как кукурузу привезли в Новую Майну. Когда вблизи села показались телеги, все, кто мог ходить, вышли им навстречу. Позади всех тащились те, кто был слишком слаб, чтобы идти. Люди падали на колени, крестились и благодарили Господа и Америку за избавление от смерти. Он сказал, что многие плакали. <...>

Самая высокая оценка важности поставок кукурузных пайков не будет преувеличением. Не поддается описанию, насколько ужасным было положение уезда. Канибализм стал обычным делом. Люди приносили детей в Мелекес и там бросали их. Я лично видел, как люди ели конский навоз и прочую мерзость. Без помощи извне весь уезд мог обезлюдеть. Но когда привезли кукурузу, все изменилось. По всему уезду впервые за долгие месяцы у людей снова есть нормальная еда. Из края печали и смерти уезд превращается в землю жизни и счастья.

Надеюсь, у меня получилось дать Вам некоторое представление о том, как привезли и как люди встретили первые грузы с кукурузой.

**№3. Уильям Шафрот – Уильяму Хаскеллу.
Отчет за две недели о ситуации
в Самарском округе⁹**

Самара, 16 мая 1922 г.

Уважаемый сэр,

голод в Самарской губернии закончился. Американская кукуруза спасла полмиллиона людей от голодной смерти и принесла надежду и энергию для работы тысячам других. Исключая 450 тысяч жителей тех районов, где работали английские квакеры, Шведский Красный Крест и другие организации Нансена, в каждом доме Самарского округа получают в среднем по 2 фунта американской кукурузы на каждый день месяца в дополнение к американским продуктам, которые в детских столовых получает как минимум один ребенок в каждой семье (средняя цифра - один с долями). В самых тяжелых районах округа процент питающихся гораздо выше. Например, в Пугачевском уезде девять из десяти взрослых получают кукурузные пайки и три четверти детей питаются в столовых АРА.

Инспекционная поездка, которую я совершил по Самарскому, Мелекесскому, Ставрополь-

скому, Балаковскому и Пугачевскому уездам за прошедшие 2 недели, дала мне возможность лично наблюдать результаты нашей работы и увидеть в каждой деревне, где я останавливался, весьма заметные перемены в настроении крестьянина. Снова и снова мне говорили: “теперь голодных смертей больше нет” или “смертность сейчас небольшая, умирают только те, кто был уже слишком ослаблен или болен, чтобы их спасла американская кукуруза”. Благодаря ежедневному пайку, на который, как они знают, можно рассчитывать до окончания сбора урожая, к крестьянам вернулась решимость, и они целыми днями работают на тех маленьких наделах, которые смогли засеять. <...>

Повсюду в Мелекесском уезде мы обнаруживали, что татарские деревни находятся в более тяжелом положении, чем русские. Они беднее, и по какой-то причине их жители менее расчетливы и бережливы. В большинстве татарских деревень кукурузный паек получают более 80% населения. Все сельские комитеты, с которыми мы разговаривали, сообщили, что после прибытия кукурузы бояться уже нечего. Например, в Аллагулово с населением 1700 человек во второй половине марта умирало от 10 до 15 человек в день. Сейчас же – не более одного или двух, и эти люди слишком тяжело больны, чтобы выздороветь. Из прежнего населения в 3030 человек осталось лишь указанное выше количество, а из шестисот лошадей – семьдесят.

Добраться до некоторых населенных пунктов невозможно из-за нехватки гужевого транспорта. Куроедово – одно из таких сел. До оттепели местные жители получили полпайка, и лишь непосредственно перед моим приездом они смогли снова отправить телеги за продовольствием. В это время уровень смертности, который было упало, рос с чудовищной скоростью. <...>

Балаковский уезд последним в Самарском округе получил кукурузу. Распределение велось в первые дни мая, господин Захаров, председатель исполкома, который оказывал всю возможную поддержку нашему местному инспектору, заверил меня, что теперь не боится будущего. Его статистические данные показывают, что смертность в уезде с сентября по май составила 7300 человек. Эту цифру подтверждают и представленные недавно нашими комитетами сведения, согласно которым население уезда составляет 90000 человек, в то время как официальные данные за прошлый год называют цифру 103000 человек. Это означает, что около 6000 человек покинули уезд, таким образом, процент беженцев равен 6%, смертность – около 7%. В целом это меньше, чем данные по всей губернии, где смертность, по оценкам, составила 10%, число беженцев – примерно столько же.

Председатель с оптимизмом говорил о прогнозах на урожай по Балаковскому уезду. Он утверждает, что осенью было засеяно 15000 десятин, а весной – еще 21000. С 4000 десятин, которые будут засеяны просом и кукурузой, общая площадь составит до 40000 десятин. Если средний урожай составит 50 пудов с акра, что, как показывает нынешняя ситуация, не слишком большая цифра, урожай составит 24 пуда на каждого жителя уезда, чего хватит и на семена. Исследования показали, что данные властей, согласно которым 21000 десятин уже засеяна, несколько преувеличены, но, по-видимому, не менее половины из этих 35000 десятин все-таки были засеяны, что делает прогноз на урожай по уезду благоприятным. <...>

Пугачевский уезд и теперь находится в самом тяжелом положении по сравнению с остальными районами Самарского округа, возможно, за исключением Бузулукского. Часть кукурузных пайков была здесь распределена в марте, до оттепели, сейчас распределяются все пайки, выделенные на апрель. Из-за значительного сокращения численности населения и гигантской убыли лошадей и домашнего скота засеять большие площади земли оказалось невозможно, по-видимому, в действительности засеяно менее трети подготовленной земли. Согласно данным, полученным из волостей к 1 апреля, с 1 августа умерло 22% населения, бежало 28% населения и еще 14% осталось неучтенным – либо скончались, либо остались незарегистрированными. Хотя эти данные нельзя считать абсолютно достоверными, численность населения уезда совершенно точно не превышает половины от того, что было прошлым летом. Оставшееся население практически полностью зависит от американского продовольствия.

Село Мосты представляет собой типичную картину положения дел в этом регионе. Когда я побывал в этом селе в первой половине декабря, ситуация была ужасной. Положение 3-х тысяч жителей было безнадежным. Смертность стремительно увеличивалась, в селе практически не осталось еды, лошади были в таком состоянии, что комитет не знал, смогут ли они преодолеть расстояние в 60 верст, чтобы привезти продукты для детских столовых.

На 9 мая число жителей села составляло 1500 человек. Однако ощущение безнадежности и отчаяния ушло. Я побывал в нескольких домах. В одном из них мужчина молот кукурузу на маленькой ручной мельнице. На семью из шестерых он получает 4 пайка. Двое из его детей ходят в столовую АРА. Он сказал, что, если бы не привезли кукурузу, они все бы умерли, а теперь перед ним забрезжил свет. Комитет сообщил, что все жители села, кроме недавно вер-

нувшихся беженцев, получали продукты АРА. Смертность, которая в январе и феврале была очень высокой, в марте сократилась в связи с тем, что привезли продукты губсоюза, а затем половину положенной селу американской кукурузы. Сейчас смертей от голода в селе нет. Каннибализм и трупоедство, некогда признанный факт, остались в прошлом. У немногих лошадей, выживших этой зимой, теперь есть трава. Когда сообщили о том, что нужно получать пайки АРА за апрель, выяснилось, что лошадей не хватает, тогда 80 человек вызвались тащить 20 телег и таким образом привезли продукты в деревню. Определенную проблему составили возвращающиеся беженцы, с февраля в село вернулось около 250 жителей. Эти люди, уехавшие в прошлом году, возвращаются из Сибири, с Украины и из Пензенской губернии. Они вернулись без еды, многие шли из Самары пешком, многие умерли в дороге, всех соблазнил вернуться рассказ о еде и распределении семян у них дома. Самарские власти были против того, чтобы люди возвращались, поскольку они становились дополнительным бременем для пораженного голодом региона, но по настоящему момент Центроэвак отказывается принимать во внимание эти жалобы. Известно, что сейчас планируется вернуть на родину в Самарскую губернию около 60000 беженцев, что означает еще 60000 голодных ртов, которые нужно накормить. Решено обратить на эту проблему внимание московских властей с тем, чтобы никого без средств, достаточных, чтобы позаботиться о себе, власти назад в голодные районы не отправляли.

Поскольку голод теперь под контролем, самым важным фактором в жизни людей в настоящее время является ситуация с урожаем. Официальная статистика оценивает урожай приблизительно в 50 миллионов пудов. Если принять по 3/4 номинальной стоимости официальные цифры по озимому севу и по 1/2 – по весеннему и соглашаясь, что эта земля даст прекрасный урожай, о чем вроде бы свидетельствует текущая ситуация, есть все основания оценить урожай в 30-35 миллионов пудов, чего будет достаточно, чтобы прокормить губернию.

№4. Чарльз Уиллоби – Рональду Аллену¹⁰

Пугачев, Самарская губерния,

14 августа 1922 г.

Уважаемый сэр,

при сем письме прилагается перевод прошенного, только что полученного от комитета АРА села Смородинка о продолжении детского и взрослого питания в этой волости. Это лишь одна из десятков подобных просьб, получаемых нашей конторой, копии которых мы Вам вышлем, как только их переведут и напечатают.

В районе Смородинки несчастливое сочетание засухи, саранчи, бандитов, гражданской войны и государственного налогообложения привело к практически полному исчезновению любых съедобных продуктов. Пока Американская администрация помощи не открыла здесь в этом году свои питпункты, населению грозило полное исчезновение, более двух третей местных жителей умерло от голода прежде, чем им смогли оказать помощь.

Сейчас перед ними стоит еще одна зима практически без продовольствия, с домашним скотом всего в 180 голов, включая 6 лошадей, 4 верблюда, 3 быка, 130 коров и 35 овец. Это на население, которое в 1919 году составляло 1680 человек и имело 4110 голов для ведения хозяйства. В настоящее время население - менее 550 человек - прилагает серьезные усилия для посева озимых на площади, превышающей 2000 десятин, имея лишь 13 голов тяглого скота, за исключением коров, в помощь.

№5. Рональд Аллен – Уильяму Хаскеллу.

Общий отчет о положении дел

за 1-15 октября 1922 г.¹¹

Самара, 9 ноября 1922 г.

<...> Обследование, проведенное в Самарском районе, показало ухудшение ситуации в ряде мест, где наша работа была временно прекращена, и, соответственно, мы снова открыли 38 столовых в 16 волостях. То же самое произошло в Ставропольском районе, где мы снова открыли 14 столовых в 4 волостях. Питание в районе Бугуруслана, Клявлино и Кошек все еще не ведется, из их складов вывозятся излишки продуктов. Тем не менее по всему видно, что где-то в начале ноября придет время возобновить нашу работу в различных масштабах во всех трех этих районах. В Бугурусланском районе, например, где ситуация с урожаем была не столь жестокой, обследование 30 волостей показало 94178 детского населения. Только в 18 из этих волостей урожай после уплаты налогов составил 8 пудов на человека и более¹². Около 5 тысяч детей – сироты, 8 тысяч – имеют только 1 родителя. Я допускаю в будущем возможность оказания продпомощи приблизительно 35 тысячам, но пока до конца в этом не уверен. Что касается ресурсов, могу отметить, что в этом регионе 11173 семьи не имеют лошадей. <...>

Суррогаты уже используются в пищу в некоторых районах округа, но не вблизи Самары. Цены на местном рынке растут, со времени последнего отчета¹³ цены на зерновые поднялись на 15-20% и на промышленные товары – на 40-60%.

В Ставропольском уезде начинают появляться приметы, уверенно предвещающие более тяжелую зиму, чем та, которую уезд пережил год назад. Население, по самым последним данным, составляет 70021 человек. Они смогли засеять

33325 десятин озимой ржи, но имеют массу проблем с волками, которые режут домашний скот. На днях мистер Бонневейл и мистер Андерсон поехали и застрелили двух. <...>

В Мелекесе пищевые суррогаты собирают и запасают на зиму. Власти определили продналог на этот регион в 500000 пудов, но пока не собрали его просто потому, что у крестьян столько нет. Посевы озимых крайне невелики. В Черемшанской волости, где на 5 490 жителей приходится 136 голов рабочего скота, лишь 38% из предназначенной под озимые земли было засеяно, а 935 десятин были засеяны без вспашки.

В настоящий момент исполком объявил о нехватке 11 млн. пудов на продовольственные потребности губернии. <...>

Интересен, поскольку проливает некоторый свет на то, почему урожай этого года не оправдал прогнозов, образец зерна, привезенный мне из Балаково, который я прилагаю к этому письму. Урожай на корню, если смотреть с расстояния, мог выглядеть многообещающе, но, видимо, старая поговорка про цыплят применима и к пшенице, и не стоит считать пуды, пока они не обмолочены. Если сжать зерно пальцами, видно, что головка на самом деле пустая и вместо питательного вещества содержит некую черную субстанцию, что сделало все эти поля колосящегося зерна совершенно бесполезными. Мне дали два возможных объяснения: первое – это было яровое зерно, посеянное как озимое, и второе – это зерно привезли из Сибири, и оно оказалось неподходящим для климата Балаково. Думаю, последнее объяснение более вероятно.

№6. Рональд Аллен – Сирилу Куинну, исполняющему обязанности директора АРА¹⁴

Самара, 26 декабря 1922 г.

<...> Я убежден, что Лайк¹⁵ не обладает теми качествами сотрудника АРА, которые нам в округе так необходимы, особенно сейчас. Я равно убежден, что у нас не могут работать люди равнодушные, лучше сказать, в нашем деле не бывает равнодушных сотрудников – человек либо приносит пользу, либо наоборот.

– Неужели действительно в России осталось так мало людей, которые могут считаться подходящими для братства АРА? И нельзя ли предложить вернуться на службу человеку, такому, например, как Хэйл?

Я не удивлюсь, если кто-нибудь из этих прекрасных людей, уехавших некоторое время назад домой, будет рад вернуться.

№7. Рональд Аллен – Уильяму Хаскеллу. Отчет за две недели¹⁶

Самара, 26 февраля 1923 г.

Уважаемый сэр,

основной проблемой последних пятнадцати дней стала надвигающаяся финансовая туча но-

вой экономической политики. Кажется, что власти и население становятся беднее с каждым днем. Времена реквизиций, бесплатных перевозок грузов и обильной финансовой поддержки местных властей со стороны центра прошли, проблема поиска денег для продолжения нашей работы становится все острее. Местные власти все более и более серьезно говорят о том, что у них нет денег на оплату работы АРА. <...>

Цены на зерно в Ставрополе поразительным образом характеризуют бедность крестьянства. В этом городе можно купить пуд хорошей пшеничной муки за 20 миллионов, или приблизительно 80 копеек золотом, по цене ниже довоенной, несмотря на тяжелую ситуацию с голодом. С другой стороны, хорошая лошадь, которую в прошлом году можно было купить за 5 пудов ржаной муки, сейчас стоит 150 пудов, или в три раза дороже довоенной цены, если мерить пудами ржи. Точно также обувь, тулупы и ткань сейчас в пудах муки стоят в 4 или 5 раз больше по сравнению с довоенным периодом. Иными словами, несмотря на голод, цена на продукты упала ниже нормальной, но это благодаря аномальному положению вещей, а именно – еще большему голоду на одежду, домашний скот и промышленные товары. В прошлом году крестьяне продавали все, чтобы остаться в живых, в этом году они оказались без скота и одежды, и нехватка этих товаров, арифметически выраженная в ценах на местном рынке, в 4-5 раз острее, чем нехватка хлеба. Бедность местных советов не поддается описанию. Один председатель сельского совета жалуется на тяжесть расходов по обеспечению местной АРА карандашами и бумагой на месяц, а сделать детские карточки в столовую можно только из оторванных с банок с молоком этикеток. Две самые основные и острые потребности, равные или даже превосходящие нехватку продовольствия, это лошади и одежда... <...>

Экономическая ситуация неуклонно ухудшается, алиментарное истощение уже очевидно в северных частях Пугачевского уезда, Ставрополе и Городища¹⁷; доля населения, использующего суррогаты, постоянно растет, и инспекторы каждого уезда, за исключением Самарского, просят об увеличении полагающегося им числа пайков на следующий месяц. К 1 марта число нуждающихся в питании детей достигнет 200 тысяч, уполпред правительства оценивает необходимость питания к этой же дате в наших районах, за исключением Сызрани и Городище, в 185 тысяч, что еще больше увеличивает наши цифры. Потребность на следующий месяц по районам на основе текущих сведений будет следующая:

Городище - 30000, Сызрань - 30000, Самара - 70000, город Самара - 14000, Ставрополь - 24000,

Бугуруслан - 30000, город Пенза - 2500, всего 200000 порций на март.

Также совершенно очевидно, что в 9 волостях Городищенского уезда, в половине волостей Ставропольского района и юго-восточных волостях Самарского района (Большая Глушица) смертность среди взрослых достигнет очень высокого уровня, 15 тыс. взрослых пайков в Городище, 20 тыс. в Ставрополе, 15 тыс. в районе Пугачева Самарской губернии на 1 мая, 1 июня и 1 июля позволят им пройти через этот период со сравнительно низким уровнем смертности.

Официально объявлено, что урожай прошлого года в Самарской губернии составил 23244723 пуда (в переводе на рожь), или 30% от обычного урожая. Убыль населения составила 14% (337000 человек).

Самый высокий процент убыли в Балаковском уезде - 17,2%, Ставропольском уезде – 18%, Бузулукском уезде – 19,1% и Пугачевском уезде – 22,7%. поголовье рабочего скота, по сравнению с 1920 годом, сократилось на 509700, таким образом, остаток составляет 24,8%. <...>

Эти цифры не нуждаются в комментариях. Их ужасное значение можно действительно осознать, лишь проехав по почти безлюдной главной улице какой-нибудь деревни, с заколоченными окнами по обеим сторонам – в домах, где семьи умерли от голода либо бежали и не вернулись.

№8. Ричард Бонневейл – Рональду Аллену. Отчет о поездке в Сызранский уезд¹⁸

Самара, 9 марта 1923 г.

<...> Мое личное впечатление и от изученной мною статистики АРА, и от санной поездки в сотню верст через 12 деревень 4-х волостей юго-восточной части уезда состоит в том, что работа АРА крайне необходима, а 50-60% детей, получающих в настоящий момент продукты АРА, будут по-настоящему голодать, если столовые закрыть. Особенно это касается сирот и детей с одним родителем, которые в плане питания полностью зависят от АРА. В этой поездке я посетил не только столовые и комитеты, но и проверил несколько детских домов, которые оказались в совершенно убогом состоянии – стол, скамья, немного тряпья, больше ничего. В большинстве случаев дети были почти голые, и они толпились у кухонной печи, чтобы согреться. Когда я спрашивал, какие у них есть запасы еды до следующего урожая, они показывали либо сушеную тыкву, либо немного муки из суррогатов, либо шелуху от проса, ячменя, пшеницы, свеклу и т.п. И это не было спектаклем, специально подготовленным для “американского инспектора”, поскольку мы посещали эти деревни без предупреждения.

Конечно, имеется и обратная сторона. В большинстве волостей встречаются крестьяне, у которых не только есть все, чтобы удовлетворить

собственные потребности, но, по средним сельским представлениям о богатстве, их можно считать богатыми. Например, крестьянин, у которого я переночевал, имеет около 20 овец, 3 или 4 коровы, свиней, кур и лошадь (а также дом, полный питающихся людьми паразитов). Кроме того, после уплаты всех налогов у него осталось 700 пудов зерна. Таких людей в каждой деревне очень мало, и при нэпе, который защищает от любых конфискаций, за исключением налогов, получить от них помощь нуждающимся односельчанам подобно пресловутому выжиманию крови из камня. Однако даже если высчитать общие запасы, количество пудов на человека столь мало, что в большинстве деревень, по оценкам властей, многие до следующего урожая будут голодать. Организованные в каждом селе комитеты взаимопомощи практически лишены средств и беспомощны. В некоторых селах попытались каждого крестьянина обложить небольшим налогом (обычно около 5 фунтов зерна) в пользу нуждающихся односельчан, в тех деревнях, где я побывал, максимальный сбор составил всего 100 пудов (Вязовка, 2690 жителей), и практически все уже было роздано.

На вопрос “что случится, если АРА сейчас насовсем закроет свои столовые”, практически в каждой деревне дают один и тот же ответ: “Дети будут вынуждены просить милостыню, а у большинства из нас им дать нечего, и они скоро умрут от голода”. <...>

№9. Гарольд Флеминг – Гарольду Фишеру¹⁹
Самара, 22 апреля 1923 г.

<...> Повсюду царит ощущение, что период сокращения посевных площадей миновал, произошёл перелом и сельское хозяйство начало возрождаться; наши инструкторы с мест сообщают, что крестьяне прилагают все возможные усилия, чтобы максимально увеличить пашню. Два основных препятствия, как я писал в своем отчете, это низкая цена на зерно и неопределенная ситуация с налогами.

В самом бедственном положении в деревне сейчас вернувшиеся беженцы. У них нет буквально ничего, кроме прав на землю, и в этих условиях они могут надеяться получить продукты только после сбора урожая. В настоящее время многие из них живут милостыней, остальные – за счет родственников. В отчетах с мест содержатся противоречивые сведения – некоторые инструкторы сообщают, что до отъезда эти люди составляли самую крепкую часть общины, были более предприимчивыми и поэтому с наступлением голода первыми уехали; другие инструкторы утверждают, что самые крепкие крестьяне держались за свой дом и землю несмотря на голод. В любом случае, вернувшиеся беженцы лег-

ли бременем на общину и еще несколько лет будут отягощать сельский мир. Единственный положительный момент в их возвращении – своими рассказами беженцы надолго отобьют желание повторить их путь.

Вернулись они буквально с пустыми руками. Группа из 400 или 500 человек застряла на вокзале в Пензе и не в состоянии добраться до пункта назначения, то ли Сызрани, то ли Самары, так как им не хватает 40 рублей или около того на оплату проезда; я спросил одного из них, старика, что у них в мешках, он сказал: “хлам”, и, когда один мешок открыли, данное определение подтвердилось.

Нехватка достойных людей здесь просто поразительна. Особенно от этого страдают нынешние органы власти. Мне страшно повезло, что за последние два месяца я познакомился с несколькими “хорошими парнями” во властных структурах – людьми честными и добросовестными, включая уполномоченных в Бугуруслане и Городище, главу Последгола в Самаре и главу земотдела в Пензе. Однако никто из них, за исключением главы пензенского земотдела, не пробился бы в Америке выше владельца скобяной лавки; никто из них не выстоял бы долго в конфликте с главой района из Южного Бостона или с 10-й Аvenues²⁰. Чем дольше ты здесь, тем больше ощущаешь свою принадлежность к высшей расе; мы все это чувствуем – мы в это верим, и это чувство не покидает нас. <...>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом подробнее: *Аншакова Ю.Ю.* Продовольственная помощь АРА Самарской губернии во время голода 1921-1922 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск “Актуальные проблемы истории и археологии”. Самара, 2006. С.63-70.

² *Fisher H.* The Famine in Soviet Russia. 1919 – 1923. The Operations of the American Relief Administration. N.Y., 1927. P.556-557.

³ Hoover Institution Archives (далее НИА). АРА Russian Unit (далее АРА Russia).

⁴ *Shafroth Will.* The Fact-Story of the Russian Famine. New York Evening World // НИА. АРА Russia. Box 81. Folder 8 (далее – 81:8). Articles IV, VI. Данные материалы представляют серию статей, опубликованных летом 1922 г. в “Нью-Йорк Ивнинг Уорлд”.

⁵ Т.е. около 250 г.

⁶ До приезда в Россию сотрудники АРА вполне логично полагали, что голодом охвачены города, но с удивлением обнаружили, что голодом поражена именно сельская местность.

⁷ НИА. АРА Russia. 224:1. Подлинник.

⁸ С целью налаживания взаимодействия между АРА, а также другими иностранными благотворительными организациями и местными органами власти в губерниях и уездах, где действовали такие организации, вводилась должность полномочного представителя прави-

- тельства РСФСР при всех иностранных организациях.
⁹ НИА. АРА Russia. 106:6. Подлинник.
¹⁰ Ibid. 104:1. Подлинник.
¹¹ Ibid. Подлинник.
¹² “Полная потребность” властями определялась официально в 20 пудов на человека в год, 8 пудов – чуть больше так называемой “голодной нормы”.
¹³ Подобные отчеты составлялись каждые две недели (два раза в месяц).
¹⁴ НИА. АРА Russia. 104:1. Подлинник.
¹⁵ Один из американских сотрудников Самарского округа.

- ¹⁶ Ibid. 226:1. Подлинник.
¹⁷ Городищенский уезд Пензенской губернии некоторое время входил в Самарский округ АРА.
¹⁸ НИА. АРА Russia. 104:1. Копия.
¹⁹ Ibid. Копия. Гарольд Фишер возглавлял исторический отдел АРА, а также является автором первой монографии, посвященной работе АРА в России.
²⁰ В начале XX в. представляли собой криминогенные рабочие кварталы (соответственно, в Бостоне и на Манхэттене), населенные иммигрантами, преимущественно из Ирландии.

**“WE CANNOT BE SERVED BY NEUTRALS”: THE AMERICAN RELIEF
ADMINISTRATION DOCUMENTS ON ITS ACTIVITIES IN SAMARA REGION (1921-1923)**

© 2010 Yu.Yu. Anshakova

Volga Branch of Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Samara

American Relief Administration was a nongovernmental humanitarian organization, which provided humanitarian help to the starving people of Russia in 1921-1923. The publication presents АРА documents covering some aspects of its activities in Samara region in 1921-1923.

Key words: famine of 1921-1922, American Relief Administration, АРА, Samara.